

В.И. Покровский

**Афанасий Афанасьевич Фет.
Его жизнь и сочинения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.И. Покровский**
Афанасий Афанасьевич Фет. Его жизнь и сочинения / В.И. Покровский – М.:
Книга по Требованию, 2015. – 118 с.

ISBN 978-5-518-01384-1

ISBN 978-5-518-01384-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стран.</i>
Аванасій Аванасьевичъ Фетъ (Шеншинъ) (біографическій очеркъ), <i>Гербеля</i> .	1
Особенности лирической поэзіи, <i>Соловьева</i>	4
Отношеніе критики и журналистики къ поэзіи въ 50-хъ гг., <i>Дружинина</i> .	16
Очеркъ литературной дѣятельности Фета, <i>Чешихина</i>	19
Стихотворенія Фета со стороны содержанія и формы, <i>Всев. Чешихина</i> . .	22
Творчество Фета, <i>Дружинина и Майкова</i>	25
Непосредственное художественное настроеніе поэзіи Фета, какъ пѣвца вѣчнаго значенія истинной поэзіи, <i>Астафьева</i>	36
Художественный даръ и тонкое поэтическое чувство, которыми запечатлѣны стихотворенія Фета, <i>Боткина</i>	55
Поэзія Фета — выразительница легкихъ, едва уловимыхъ движеній души, движеній минутныхъ, мгновенныхъ, остановившихся, <i>Бар. Дистерло</i> .	68
Природа и человѣкъ, какъ источники свободнаго и самобытнаго творчества Фета, <i>его же</i>	77
Картины природы въ произведеніяхъ Фета, <i>Боткина</i>	85
Антологическія стихотворенія Фета, <i>его же</i>	95
Фетъ и Бодлеръ, Гейне, Тютчевъ, <i>Дистерло</i>	98
Значеніе поэзіи Фета, <i>Дружинина и Боткина</i>	104

Аѳанасій Аѳанасьевичъ Шеншинъ.

(Біографическій очеркъ).

Аѳанасій Аѳанасьевичъ Шеншинъ, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Фета, одинъ изъ талантливейшихъ нашихъ современныхъ поэтовъ, родился 23 ноября 1823 года, Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда, въ сельцѣ Новосѣлкахъ, родовомъ имѣніи отца его, Аѳанасія Неофитовича Шеншина. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ домѣ родительскомъ, затѣмъ на четырнадцатомъ году поступилъ сначала въ учебное заведеніе Крюммера, въ городѣ Верро, а потомъ перешелъ въ Москву, въ пансіонъ М. П. Погодина. Полгода спустя, онъ поступилъ въ Московскій университетъ сперва на юридическій, а затѣмъ на словесный факультетъ. При поступленіи въ университетъ, по неожиданнымъ затрудненіямъ въ представленіи документовъ, онъ вынужденъ былъ, при подачѣ прошенія, принять имя матери своей, по первому браку — Фетъ, которое и осталось за нимъ въ литературѣ, хотя, вслѣдствіе представленія имъ документовъ, въ 1875 году Высочайшимъ указомъ за нимъ утверждена родовая его фамилія — Шеншинъ. По окончаніи полного университетскаго курса въ 1844 году онъ поступилъ юнкеромъ въ Орденскій кирасирскій полкъ, стоявшій въ то время въ одномъ изъ округовъ херсонскаго военного поселенія. Затѣмъ, прослуживъ въ полку около девяти лѣтъ, Фетъ перешелъ въ лейбъ-гвардіи уланскій Его Величества полкъ, съ которымъ сдѣлалъ походъ къ западнымъ нашимъ границамъ, а по заключеніи мира, въ 1856 году, вышелъ въ отставку, женился на дѣвицѣ Боткиной, сестрѣ извѣстнаго литератора, и поселился въ своей орловской деревнѣ.

Аѳанасій Аѳанасьевичъ началъ писать очень рано — и въ 1840 году, т.-е., когда ему не было еще и девятнадцати лѣтъ, уже заявилъ о себѣ печатно, выпустивъ въ свѣтъ небольшую книжку своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ: „Ли-

рический Пантеонъ, А. Ф. Москва 1840“. Несмотря на всю незрѣлость этихъ еще вполне юношескихъ произведеній Фета, вошедшихъ въ составъ названной книжки, въ нихъ и тогда уже проглядывалъ тотъ талантъ, который выказался впоследствии въ его стихотвореніяхъ, относящихся къ болѣе поздней порѣ его поэтической дѣятельности. Такъ, напримеръ, здѣсь была напечатана его прелестная „Ода Горация къ Лидіи“, нѣсколько хорошихъ переводовъ изъ Гёте и два весьма граціозныхъ стихотворенія, начинающихся стихами: „Тамъ подъ оливами, близъ шумнаго каскада“ и „Скоро дойду — да вотъ тѣнистая старая ива...“ „Лирический Пантеонъ“ былъ встрѣченъ весьма радушно журналами того времени, весьма скупыми на похвалы стихамъ, при чемъ рецензентъ „Отечественныхъ Записокъ“, выписавъ послѣднее изъ двухъ указанныхъ нами оригинальныхъ стихотвореній Фета, былъ совершенно правъ, говоря: „Скажите, откуда такая изобразительность? И какъ не подозрѣвать тутъ вліянія болѣе сильнаго, нежели вліяніе поэтовъ латинскихъ? Впрочемъ, что бы это ни было — дарованіе ли, воспитанное подъ сильнымъ вліяніемъ неумирающихъ поэтическихъ авторитетовъ, или просто вѣрный тактъ, вѣрное чувство природы — да живетъ оно! Мы, съ своей стороны, радостно привѣтствуемъ его первое вступленіе въ свѣтъ и желаемъ только одного, чтобы оно продолжало свое воспитаніе подъ вдохновительнымъ вліяніемъ той благотворной музыки, которая такъ привѣтливо улыбнулась ему при самомъ его рожденіи“.

Первые два года пребыванія Фета въ Московскомъ университетѣ, поступленіе въ который совпало какъ разъ съ выходомъ въ свѣтъ его „Лирическаго Пантеона“, мало способствовали развитію его дѣятельности, такъ какъ посѣщеніе лекцій и изученіе древнихъ и новыхъ языковъ, особенно въ началѣ курса, поглощали почти все его время. Но съ переходомъ на второй курсъ, стихотворенія его, начиная съ января 1842 года, стали снова появляться въ печати, сначала въ „Москвитининѣ“, а потомъ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“, подписанныя начальными буквами его имени и фамиліи: „А. Ф.“ Какъ на первыя поэтическія произведенія Фета, появившіяся на страницахъ „Москвитинина“, можно указать на рядъ стихотвореній, напечатанныхъ въ 1-й и 3-й книжкахъ этого журнала на 1842 годъ, подъ общимъ за-

главiемъ: „Снѣга“ и „Гаданiя“, а въ „Отечественныхъ Запискахъ“ — на одиннадцать стихотворенiй, подъ общимъ заглавiемъ „Вечера и ночи“, появившiяся въ 5-мъ номерѣ на тотъ же 1842 годъ. Здѣсь же, въ 12-й книжкѣ, былъ напечатанъ его прекрасный переводъ „Посейдона“ Гейне, подъ которымъ впервые была выставлена полная фамилiя автора. Затѣмъ стихотворенiя Аѳанасiя Аѳанасьевича стали появляться въ названныхъ нами журналахъ почти ежемѣсячно, что продолжалось въ „Москвитянинѣ“ до конца сороковыхъ годовъ, а въ „Отечественныхъ Запискахъ“ — до 1847 года, въ 5-й книжкѣ котораго было помѣщено послѣднее его стихотворенiе: „Наня“. Въ началѣ 1850 года вышло въ Москвѣ второе изданiе „Стихотворенiй А. Фета“. Несмотря на то, что поэтъ выбралъ для выпуска въ свѣтъ своей книжки самое неблагопрiятное время, ознаменованное гоненiями на стихи, она встрѣчена была весьма радушно журнальными рецензентами, при чемъ въ „Современникѣ“, который отнесся къ молодому поэту строже, чѣмъ всѣ остальные журналы, было все же высказано: „Не обинуясь, называемъ мы г. Фета поэтомъ, хотя и не справлялись, въ какомъ разрядѣ состоятъ онъ по принятому адресъ-календарю нашего поэтическаго Олимпа. Знаемъ, что онъ не засыплетъ насъ роскошью красокъ, яркостью образовъ: онъ бережливъ на нихъ, не сыплетъ ихъ попустому. Или, пожалуй, мы скажемъ еще прямо, что яркость и блескъ фантазiи вообще не лежатъ въ свойствахъ таланта нашего поэта. Талантъ скромный и умѣренный — его настоящее достоинство въ нашихъ глазахъ состоятъ не въ пышности и великолѣпiи картинъ, на что онъ нисколько и не претендуетъ, но въ истинности и живой непосредственности вдохновенiя“.

Съ переходомъ Фета въ гвардiю и переселенiемъ въ окрестности Петербурга, стихотворенiя его стали появляться преимущественно въ „Современникѣ“, а потомъ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“, въ которыхъ они уже печатались въ раннюю пору его поэтической дѣятельности; но съ 1847 года поэтъ замолкъ до самаго 1856 года, когда стихотворенiя его снова стали появляться цѣлыми массами. Первымъ поэтическимъ произведенiемъ Фета, напечатаннымъ въ „Современникѣ“, было небольшое, но очень хорошее стихотворенiе, начинающееся такъ: „Въ долгiя ночи, какъ вѣжды на сонѣ

не сожгуты". Затѣмъ, въ 1854 году, на страницахъ этого журнала появилось болѣе двадцати мелкихъ его стихотвореній, въ томъ числѣ два прекрасныхъ перевода изъ Горация и два оригинальныхъ его стихотворенія: „На Либурѣ въ коловодѣ" и „Растуть, растутъ причудливыя тѣни...". Въ слѣдующіе заѣмъ годы (1855—1859) „Современникъ" напечаталъ въ своихъ двадцати трехъ книжкахъ цѣлый рядъ его стихотвореній, болѣею частью, выдѣли художественныхъ, переводы поэмы Гёте „Германъ и Доротея" и три статьи его, подъ заглавіемъ: „Нилъ за границей. Путешіе впечатлѣнія". Одновременно съ появленіемъ въ „Современникѣ" 1854 года произведеній Фета, его стихотворенія, переводы и прозаическія рассказы стали печататься и въ „Отечественныхъ Запискахъ", гдѣ, между прочимъ, были напечатаны: важный стихотворный переводъ „Отъ Канта Гаранія Фланка" — въ четырехъ книжкахъ, рассказы „Замѣтки" и повѣсть „Дѣвушка и повальный братецъ". Затѣмъ, начиная съ 1857 года, стихотворенія Адамсіа Адамсіевича стали появляться въ „Русскомъ Вѣстникѣ", „Библиотекѣ для чтенія", гдѣ, между прочимъ, были напечатаны его переводы въ связи съ трагедіеи Шекспира „Юлій Цезарь" и въ „Русскомъ Слѣдѣ", гдѣ онъ помѣстилъ свой переводъ другой трагедіи Шекспира „Антоній и Клеопатра" и статьи: „О стихотвореніяхъ Гаттуса". Покончивъ время стихотвореніемъ и прозаическимъ статьи Фета преимущественно печатались въ „Русскомъ Вѣстникѣ", гдѣ, между прочимъ, были напечатаны рядъ его статей по основному наслѣдству, а также въ „Зарѣ" и „Литературной Библиотекѣ", въ которой были помѣщены два его письма: „О замечаніи древнихъ языковъ въ нынѣшнемъ містическѣ".

Губер.

Особенности литературной работы.

Литературная работа поэта у насъ представляется такое же общее и простое человѣческое дѣло. Но въ то же время она имѣетъ въ себѣ много особенностей, которыя отличаютъ ее отъ другихъ видовъ творчества. Это общее представлено въ выдѣлахъ по выдѣламъ Н. П. Погодина, которые въ нихъ изложены въ выдѣлахъ его же „Литературной Библиотекѣ" и

Убѣдившись, что въ ней-то все и дѣло, любой субъектъ, мало-мальски способный къ версификаціи, можетъ безъ стыда и жалости изливать свою душевную пустоту въ обильномъ потоцѣ стихотвореній, возбуждая въ себѣ самомъ духъ праздности и тщеславія, а на ближнихъ своихъ наводя духъ унынія. Но, помимо этихъ грѣховныхъ послѣдствій упомянутаго опредѣленія, оно несостоятельно и въ теоретическомъ смыслѣ. Ясно, во-первыхъ, что субъективныя состоянія, *какъ таковыя*, вообще не допускаютъ поэтическаго выраженія; чтобы можно было облечь ихъ въ опредѣленную форму, нужно, чтобы они стали *предметомъ* мысли и, слѣдовательно, перестали быть *только* субъективными. Предметомъ поэтическаго изображенія могутъ быть не переживаемыя въ данный моментъ душевныя состоянія, а пережитыя и представляемыя. Но и въ этомъ смыслѣ далеко не всѣ состоянія души могутъ быть предметомъ лирической поэзіи. Вообразимъ себѣ поэта, который въ то же время страстный игрокъ въ карты. Если бы пережитые имъ въ этомъ случаѣ аффекты онъ вздумалъ изобразить въ стихахъ, то вышла бы шутка или сатира, но не настоящая лирика. Вообще вся та житейская суета, которая, большею частью, наполняетъ душу людей и составляетъ субъективную подкладку ихъ жизни, никогда не становится содержаніемъ лирической поэзіи. Чтобы воспроизвести свои душевныя состоянія въ стихотвореніи, поэтъ долженъ не просто пережить ихъ, а пережить ихъ именно въ качествѣ лирическаго поэта. А если такъ, то ему вовсе не нужно ограничиваться случайностями своей личной жизни, онъ не обязанъ воспроизводить непременно свою субъективность, свое настроеніе, когда онъ можетъ усвоить себѣ и чужое, войти, такъ сказать, въ чужую душу. Развѣ свою субъективность изображаетъ, наприимѣръ, Пушкинъ въ великолѣпномъ стихотвореніи:

Стамбуль гуры нынче славятъ,
А завтра кованой пятой,
Какъ змѣя спящаго, раздавать
И прочь пойдутъ, и такъ оставятъ,—
Стамбуль заснулъ передъ бѣдой... и т. д.

И не только Пушкину, но и такому чистому лирику, какъ Фетъ, нерѣдко удавалось прекрасно воспроизводить чужую и во всѣхъ отношеніяхъ отъ него далекую субъективность

напримѣръ, любовь арабской дѣвушки тысячу лѣтъ тому
назадъ:

Я люблю его жарко: онъ тигромъ въ бою
Нападаетъ на хищныхъ враговъ!
Я люблю въ немъ отраду, награду мою
И потомка великихъ отцовъ.
Кто бы ни былъ ты, странникъ простой, иль купецъ,
Ни овцы ни верблюда не тронь,
Отъ кобылъ Мугамета его жеребецъ,
Что небесный огонь этотъ конь!
Только мирный пришлецъ нагибайся въ шатеръ
И одежду дорожную скинь.
На услугу и ласку онъ ловокъ и скоръ:
Онъ бадья при колодцѣ пустынь.
Будто мѣсяцъ надъ кедромъ, бѣлѣтъ чалма
У него средь широкихъ степей.
Я люблю, и никто—ни Фатима сама
Не любила Пророка сильнѣй.

Очевидно, настроеніе, въ которомъ написана эта пьеса, ничуть не болѣе субъективно, чѣмъ то, въ которомъ живописецъ пишетъ свою картину или драматургъ создаетъ монологи своихъ дѣйствующихъ лицъ.

Если, такимъ образомъ, съ одной стороны, не всѣ субъективныя состоянія и настроенія поэта могутъ стать содержаніемъ лирики, а съ другой стороны, такимъ содержаніемъ могутъ быть состоянія и настроенія, ничего общаго съ личною душевною жизнью поэта не имѣющія, то ясно, что сущность дѣла тутъ не въ субъективности. Какъ мы сказали, лирика есть подлинное откровеніе души человѣческой; но случайное поверхностное содержаніе той или другой человѣческой души и безъ того явно во всей своей непривлекательности и нуждается не столько въ откровеніи и увѣковѣченіи, сколько въ сокровеніи и забвеніи. Въ поэтическомъ откровеніи нуждаются не болѣзненные наросты и не пыль и грязь житейская, а лишь внутренняя красота души человѣческой, состоящая въ ея созвучіи съ объективнымъ смысломъ вселенной, въ ея способности индивидуально воспринимать и воплощать этотъ всеобщій существенный смыслъ міра и жизни. Въ этомъ отношеніи лирическая поэзія нисколько не отличается отъ другихъ искусствъ; и ея предметъ есть существенная красота мировыхъ явленій, для воспріятія и вопло-

щенія которой нуженъ особый подъѣмъ души надъ обыкновенными ея состояніями. Способность къ такому подъѣму, какъ и всякое индивидуальное явленіе, имѣетъ свои матеріальныя фізіологическія условія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и свою самостоятельную ideally-духовную причину, и съ этой стороны такая способность справедливо называется дарованіемъ, геніемъ, а актуальное проявленіе ея — вдохновеніемъ. Ограничусь этимъ общимъ намекомъ, такъ какъ метафизическое объясненіе художественнаго творчества не входитъ въ мою теперешнюю задачу.

Обращаясь къ особенностямъ лирики въ отличіе ея отъ другихъ искусствъ и въ частности отъ другихъ родовъ поэзіи, я могу по совѣсти дать только относительное и отчасти метафорическое опредѣленіе. Лірика останавливается на болѣе простыхъ, единичныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе глубокихъ моментахъ созвучій художественной души съ истиннымъ смысломъ міровыхъ и жизненныхъ явленій; въ настоящей лирикѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо (кроме музыки) душа художника сливается съ даннымъ предметомъ или явленіемъ въ одно нераздѣльное состояніе. Это есть признакъ лирической поэзіи, ея задушевность или по-нѣмецки Innerlichkeit. Но это лишь особенность лирическаго настроенія, доступнаго и простымъ смертнымъ, особенно такъ называемымъ „поэтамъ въ душѣ“. Что же касается особенности лирическаго *произведенія*, то она состоитъ въ совершенной слитности содержанія и словеснаго выраженія. Въ истинно лирическомъ стихотвореніи нѣтъ вовсе содержанія отдѣльнаго отъ формы, чего нельзя сказать о другихъ родахъ поэзіи. Стихотвореніе, котораго содержаніе можетъ быть толково и связно рассказано своими словами въ прозѣ, или не принадлежитъ къ чистой лирикѣ, или никуда не годится¹⁾. Наконецъ, третья существенная особенность лирической поэзіи состоитъ въ томъ, что она относится къ основной постоянной сторонѣ явленій, чуждаясь всего, что связано съ процессомъ, съ исторіей. Предваряя полное созвучіе внутренняго со внѣшнимъ,

¹⁾ Поэтому для хорошаго перевода лирическаго стихотворенія необходимо, чтобы переводчикъ возбудилъ въ себѣ то же лирическое настроеніе, изъ котораго вышло подлинное стихотвореніе, и затѣмъ нашелъ соотвѣтствующее этому настроенію выраженіе на своемъ языкѣ. Для лирическаго перевода вдохновеніе нужно, чѣмъ для всякаго другого.

предвкушая въ минуты вдохновенія всю силу и полноту истинной жизни, лирическій поэтъ равнодушенъ къ тому историческому труду, который стремится превратить этотъ нектаръ и амброзію въ общее достояніе. Хотя многіе поэты отъ Тиртея и до Некрасова вдохновлялись патріотическими и цивилическими мотивами, но никто изъ понимающихъ дѣло не смѣшиваетъ этой *прикладной* лирики съ лирикой чистою. Чтобъ ясно почувствовать, что между тою и другою нѣтъ ничего общаго, кромѣ стихотворной рѣчи, достаточно сравнить, напримѣръ, впечатлѣніе отъ пушкинской оды

О чемъ шумите вы, народные витіи?

Зачѣмъ анаемой грозите вы Россіи и т. д.

съ впечатлѣніемъ отъ его же

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ,

Сребритъ морозъ увянувшее поле...

или хотя бы некрасовское:

О, владѣльцы домовъ, океаннны,

Какъ страдаетъ отъ васъ бѣдный людъ! ¹⁾

съ его же „последнею пѣснью“:

Жду тебя, мою желанную,

Улетимъ съ тобою вновь

Въ ту страну обѣтованную,

Гдѣ вѣчала насъ любовь.

Розы тамъ цвѣтутъ душистыѣ,

Тамъ лазурнѣй небеса,

Соловьи тамъ голосистѣ,

Густолиственнѣй лѣса.

Для чистаго лирика вся исторія человѣчества есть только случайность, рядъ анекдотовъ; а патріотическія и гражданскія задачи онъ считаетъ столь же чуждыми поэзіи, какъ и суету будничной жизни. „Конечно, никто не предположить, такъ пишетъ одинъ изъ этихъ чистыхъ лириковъ, чтобы, въ отличіе отъ всѣхъ людей, мы одни не чувствовали, съ одной стороны, неизбежной тягости будничной жизни, а съ другой—тѣхъ періодическихъ вѣяній, нелѣпостей, которыя, дѣйствительно, способны исполнить всякаго практическаго дѣятеля гражданскою скорбью. Но эта скорбь никакъ не могла вдохновить насъ. Напротивъ, эти-то жизненные тяготы и заставляли насъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ по временамъ отворачиваться отъ нихъ и пробивать будничный ледъ, чтобы хотя на мгновеніе вздохнуть чистымъ и свободнымъ возду-

¹⁾ Эти типично-некрасовскіе стихи принадлежатъ г. Буренину.